
К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА ПЕРСОНАЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СССР

О.В. Капустина

Управление Пенсионного фонда РФ
ул. Красноармейская, 25, Гусь-Хрустальный, Россия, 601501

В статье на примере пенсионных дел З.И. Венгеровой и Э.И. Берви-Флеровской проанализирована история становления института персонального пенсионного обеспечения в Советской России, рассмотрена практика первых пенсионных назначений заслуженным советским гражданам. Автором сделан вывод о том, что персональное пенсионное обеспечение известных общественных деятелей и их иждивенцев в условиях Гражданской войны и последующей разрухи возникло как реакция на их бедственное положение.

Ключевые слова: советская система привилегий, пенсия, персональное пенсионное обеспечение, пенсионное дело, размер пенсии, тарифная ставка.

Введение

Обоснование темы. К моменту распада в Советском Союзе была создана система всеобщего государственного пенсионного обеспечения, гарантировавшая (при наличии определенного трудового стажа) практически каждому гражданину возможность получения пенсии по старости или по инвалидности, по случаю потери кормильца, а также за выслугу лет. Уже в августе 1918 г. право на пенсию получили лишившиеся трудоспособности солдаты Красной Армии и их иждивенцы. В 1919 г. это право было распространено на моряков Красного Флота, офицеров-красноармейцев и солдат «старой армии».

Между тем, помимо общего пенсионного обеспечения, с первых лет установления советской власти появились персональные пенсии. Первоначальную законодательную основу института персонального пенсионирования в Советской России заложили три декрета СНК РСФСР: «О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией» от 16 июля 1920 г. (1), «Об усиленных пенсиях» от 5 декабря 1921 г. (2), «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой» от 16 февраля 1923 г. (3). Следующие этапы развития персонального пенсионного обеспечения можно отнести к концу 1920-х – началу 1930-х гг. (4) (когда происходило осуществление первой систематизации пенсионного законодательства) и к середине 1950-х гг. (5) (периоду создания системы всеобщего государственного пенсионного обеспечения).

В целом персональные пенсии просуществовали до распада СССР. В настоящее время вопрос о назначении персональных пенсий выдающимся гражданам Российской Федерации вновь стал дискутироваться. И как всегда в таких случаях правомерно обращение к прошлому опыту.

Обзор литературы. Процессы становления и деятельности института персонального пенсионного обеспечения пока остаются за пределами научных изысканий современных исследователей. Персональные пенсии только упоминаются в работах общего характера, посвященных российскому пенсионному обеспечению и социальной политике в целом.

Так, М.С. Братановская в статье о правовой организации управления советским социальным обеспечением подчеркивает факт появления института персонального пенсионного обеспечения в период Гражданской войны (6).

Английский историк М. Метьюз уделил внимание названному виду пенсий в работе, посвященной становлению в СССР системы привилегий. По его мнению, персональные пенсии являлись частью этой системы и «были необычайно престижны» (7).

М.Л. Захаров, анализируя перспективы сегодняшнего страхового пенсионного обеспечения, упоминает об увеличении с середины 1956-х гг. количества «так называемых персональных пенсий», назначаемых «чиновникам и тем, кто имел длительный стаж пребывания в КПСС», предполагающих «различные льготы, в том числе по оплате весомого и качественного продуктового пакета по заниженным в несколько раз ценам», акцентируя внимание на привилегированное положение пенсионера, получающего так называемые бонусные выплаты в дополнение к базовым за «особые заслуги перед родиной» (8).

Указы о назначении таких пенсий публиковались в советской печати, привлекая общественное внимание к заслугам их получателей, а сам факт назначения таких пенсий гарантировал набор определенных льгот и преимуществ. Пенсионеры освобождались от налогов и сборов, оплачивали 50% причитающейся квартплаты; для них был предусмотрен льготный порядок пользования отоплением, водой, газом, электрическим освещением и даже городскими прачечными и общественными банями.

В фондах Министерства социального обеспечения РСФСР Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) хранятся первые дела о произведенных в начале 1920-х гг. назначениях (без выплатных документов) советских пенсий видным общественным деятелям, командирам Красной Армии и профессиональным революционерам. В архивных описях данные документы названы делами о назначении персональных пенсий. Такая же надпись сделана на корках каждого из пенсионных дел. Однако, как было отмечено выше, декрет о персональных пенсиях появился только в 1923 г., поэтому эти надписи, вероятно, были сделаны позднее, а сами дела можно рассматривать как предтечи таковых назначений.

Цель и задачи. В настоящей статье на примере пенсионных дел Зинаиды Ильиничны Венгеровой и Эрминии (так в документе – *О.К.*) Ивановны Бер-

ви-Флеровской, жены писателя и известного общественного деятеля Вильгельма Вильгельмовича Берви (1829–1918 гг.) (литературный псевдоним – Василий Васильевич Флеровский), предполагается рассмотреть практику первых пенсионных назначений заслуженным советским гражданам с целью выявления процесса становления института персонального пенсионного обеспечения в первые годы советской власти.

Исследование проблемы

В апреле 1918 г. на базе Народного комиссариата государственного призрения (КНГП) был создан Народный комиссариат социального обеспечения (НКСО или Наркомсобес). Однако в первой половине 1920 г. практика ведения пенсионного делопроизводства в Наркомсобесе, вероятно, еще не была выработана, поэтому в июне 1920 г. З.И. Венгерова в качестве члена Совета Комиссариата Народного просвещения и бывшего заведующего Санитарным отделом Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии направила свое заявление в Малую коллегия Совнаркома.

Ходатайство о материальном обеспечении Э.И. Берви-Флеровской было написано 9 апреля 1920 г. Петром Казимировичем Топольницким (воспитанником ее сына – известного математика Н.В. Берви) непосредственно на имя управляющего делами Совнаркома РСФСР В.В. Бонч-Бруевича. На момент обращения З.И. Венгерова проживала в г. Москве, а Э.И. Берви-Флеровская – на Украине, в Юзовке (г. Донецк).

Оба документа, и заявление и, ходатайство, написаны в произвольной форме, однако содержат набор аналогичных элементов. Во-первых, в них имеется описание заслуг первого претендента (З.И. Венгеровой) и умершего кормильца второго претендента (В.В. Берви-Флеровского) перед советской властью. В заявлении З.И. Венгерова подробно рассказала о своей деятельности «в культурно-просветительном направлении до и после революции» (9). Описание своих трудов заявительница начала с восьмидесятых годов XIX в., когда ею были открыты в Минске школа для пролетарских детей по обучению их массажу и позднее в Петербурге – фельдшерские курсы, массажные курсы и школа для обучения слепых. Также в 1909 г. в столице ею был организован 1-й Частный Медицинский институт для лиц обоего пола. Параллельно З.И. Венгерова работала на Северо-Западной железной дороге, где заведовала физическими методами лечения (массаж, светолечение и др.). Во время революции 1905–1907 гг. она вместе со своими учениками оказывала первую медицинскую помощь раненым, в 1914 г. в Петрограде открыла лазарет на 50 мест. После Октябрьской революции Зинаида Ильинична, будучи членом Совета Комиссариата народного просвещения, занялась устройством при школах культурно-сельских хозяйств, а в 1919 г. перешла на службу в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии и заведовала Санитарным отделом всего фронта (10).

Обосновывая право Э.И. Берви-Флеровской на пенсию за мужа по случаю потери кормильца, П.К. Топольницкий писал: «Он более чем заслужил, чтобы Рабочее Правительство по заслугам оценило его... На его книгах и примерах его личной жизни учились вожди рабочего движения» (11). Действительно, книга В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» была высоко оценена даже К. Марксом в письме к Ф. Энгельсу, где подчеркивалось, что «это – первый труд, в котором сообщается правда об экономическом положении России» (12). К. Маркс назвал писателя серьезным наблюдателем, беспристрастным критиком, мощным художником и человеком, делящим «все страдания и все стремления производительного класса» (13).

Вторым общим элементом каждого из обращений за материальным обеспечением стало описание притеснений от царской власти. З.И. Венгерова подробно описала свои мытарства: за оказание первой помощи раненым в 1905 г.: «Бывшее правительство стеснило меня со всех сторон и только благодаря тому, что я удостоилась получить, как в Париже, так и в России золотую медаль и почетный диплом с надписью: “За прекрасно поставленное преподавание, а также за громадное значение частной инициативы на таком высокополезном поприще”, и благодаря моей общественной репутации мне удалось продолжать мою работу. С вступлением в Управление Министерства Внутренних Дел Маклакова все мои учебные заведения были закрыты: мотив в Русской столице не терпимо такое революционное гнездо» (14). Во время Первой мировой войны в открытом ею в 1914 г. госпитале из-за боязни революционной пропаганды среди раненых был назначен военный контроль: «Царский слуга установил крайне тяжелый режим, начиная с того, что священник ежедневно приходил читать солдатам проповеди и заставлял их молиться по три раза в день и этим нарушал весь строй лазаретного порядка. Культурно-Просветительный отдел, заведенный мною в Лазарете, был закрыт, и, в конце-концов, я вынуждена была передать устроенный мною на свой счет лазарет со всем имуществом правительству» (15). П.К. Топольницкий был более краток: «Эрминия Ивановна – верный спутник его (*В.В. Берви-Флеровского*) жизни, делившая с ним все тюрьмы и ссылки» (16).

Третий элемент каждого обращения – описание печального настоящего. З.И. Венгерова: «Тяжкое заболевание – сахарная болезнь – вынудило меня оставить службу, и как только я оправилась и здоровье мое позволило мне снова приступить к работе, я принята на службу в М.Ч.С.К., но, к сожалению, внезапная болезнь – перефирический паралич – заставила меня опять, к моему великому сожалению, и на этот раз отказаться от столь нужной работы, когда эпидемия уносит столько жертв... Дорогие товарищи, ныне чувствую себя совершенно разбитой... мой возраст – 61 год» (17). П.К. Топольницкий о Э.И. Берви-Флеровской: «Материально она не обеспечена... Она очень стара» (18).

И, конечно же, в каждом прошении содержатся просьбы о материальной поддержке. В заявлении З.И. Венгеровой перечислено несколько просьб: во-

первых, она просит оставить за ней пожизненно и снабдить отоплением на зимнее время «квартиру в доме № 6 по Сретенскому бульвару, состоящую из 4-х комнат, где проживают: я, мой муж – старик 67 лет... 5-летняя внучка – сирота от дочери моей... и еще 3-х сирот 7-ми, 5-ти лет и 7-ми месячного ребенка. 2. – Выдать мне заложенные в 1917 году вещи в ссудной казне, о чем было возбуждено ходатайство в ноябре 1919 г... И третья моя просьба, дорогие товарищи, за мою многолетнюю работу в течение 25-и лет на Северо-Западной железной дороге, где я бесплатно принимала всех рабочих не только на службе, но и в моей лечебнице, а также за работу после революции, – назначить мне единовременное пособие и пожизненную пенсию и если возможно на летнее время дачное помещение для меня и для моих сирот» (19). П.К. Топольницкий прямо о пенсионном обеспечении вдовы В.В. Берви-Флеровского просит, но как было сказано выше, отмечает отсутствие у нее материального обеспечения: «Думаю, что и в этом можно ей притти (*так в документе – О.К.*) на помощь... Пусть напоследок почувствует, что Советы как никакое Правительство ценит своих лучших бойцов» (20).

Позднее, после упорядочения процедуры назначения персональных пенсий, в каждое пенсионное дело обязательно подшивались документы, подтверждавшие право заявителя на получение пенсии, однако в 1920 г. все было значительно проще. П.К. Топольницкий не приложил к своему ходатайству никаких документов, предлагая за подробностями смерти В.В. Берви-Флеровского обратиться по телеграфу в Юзовку. При этом он даже не совсем правильно назвал имя своей протезе: «Эрминия» вместо «Эрмиона».

З.И. Венгерова как организатор различных учебных и лечебных заведений была более знакома с системой делопроизводства и к своему заявлению присовокупила «Удостоверение № 114 о работе в Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии» и «Бумагу за № 20780», подтверждавшую ее деятельность по охране здоровья служащих Северо-Западной железной дороги. Оба этих документа упомянуты в заявлении, но отсутствуют в рассматриваемом пенсионном деле, возможно, они остались среди документов НКССО или были переданы по месту непосредственной выплаты пенсии.

Итак, прошения о материальной поддержке, на основании которых были назначены пенсии, поступили не в органы социального обеспечения, а в структуры Совнаркома: от З.И. Венгеровой – в Малую Коллегию СНК, от П.К. Топольницкого – к управляющему делами СНК В.В. Бонч-Бруевичу. Перед Народным комиссариатом социального обеспечения за будущих пенсионеров ходатайствовали уже А. Луначарский и В.В. Бонч-Бруевич. В результате данных ходатайств Постановлениями Коллегии Комиссариата социального обеспечения были сделаны следующие назначения: Зинаиде Ильиничне Венгеровой с 14 июля 1920 г. была увеличена пенсия на двух членов семьи в размере 3-кратной минимальной тарифной ставки; Э.И. Берви-Флеровской с 23 мая

1920 г. пенсия увеличивалась в размере 4-кратной тарифной ставки местности ее проживания. Таким образом, обе пенсии были назначены еще до вступления в силу самого первого декрета о льготном пенсионном обеспечении заслуженных граждан советского государства, изданного 16 июля 1920 г.

Конкретные суммы в данных Постановлениях названы не были. Здесь следует сказать, что для обеспечения народнохозяйственного единства в оплате труда в Советской России была введена единая государственная тарифная система. На 1919 г. в стране действовала единая 35-разрядная тарифная сетка с диапазоном в разрядах 1:5. По первым 14 разрядам в зависимости от квалификации, условий труда, отрасли народного хозяйства и географического района тарифицировались рабочие и инженерно-технические работники. В 1921–1923 гг. была осуществлена тарифная реформа, в результате которой была введена 17-разрядная тарифная сетка с диапазоном 1:5, а затем – 1:8. В 1923 г. персональные пенсии стали назначаться в основном исходя из ставки 17-го разряда тарифа ответственных работников, что, в частности, подтверждено Книгой учета персональных пенсионеров Владимирской губернии за 1923 г. (21). Из каких именно тарифных ставок (в рублях) определялись размеры выплат З.И. Венгеровой и Э.И. Берви-Флеровской, по материалам рассматриваемых пенсионных дел сказать невозможно, однако вряд ли назначенные суммы были достаточными для безбедного существования в условиях войны и разрухи.

По данным академика С.Г. Струмилина, в годы Гражданской войны «ставки повышались прыжками, а цены росли непрерывно; ставки с мая 1918 г. по сентябрь 1919 г. выросли только в семь раз (с 260 до 1800 руб. для черно-рабочего), а рыночные цены – в 14 раз» (22). С 1 сентября 1919 г. минимальная ставка для Москвы составляла 1200 руб. (23). В дневнике русского историка Ю.В. Готье (совершившего в апреле – мае 1920 г. по долгу службы поездку из Москвы в Петроград) содержатся сведения о ценах на продовольственные товары: «Поезд шел 23 часа... продают молоко, местами масло и яйца. Молоко – 150, 180 рублей кружка, а к Петрограду 250 рублей; масло около 2500 рублей; яйца – в середине дороги – 100 рублей штука, к Петрограду 150 (24)... Ходя по рынку (на Петербургской стороне), я убедился, что там есть более или менее все и что цены почти сравнялись с московскими: хлеб – 350, пшено – 400, масло 3000» (25) (Ю.В. Готье называет цены за фунт того или иного продукта. 1 фунт равен 409,5 г. Кружка как русская мера объема вмещала 1,23 л).

Выводы

Таким образом, как показал изученный материал, в Советской России еще до издания официальных декретов пенсии за особые заслуги перед советским государством (которые впоследствии назовут персональными) назначались и выплачивались прежде всего известным людям. К их числу от-

носились З.И. Венгерова и В.В. Берви-Флеровский. Факт их личного знакомства с лидерами революции и в последующем руководителями советского государства явно был подчеркнут в заявлении З.И. Венгеровой, где она в качестве лиц, поддержавших ее ходатайство о возвращении вещей из ссудной казны, называет товарищей-коммунистов: Юсбашева (*так в документе – О.К.*), Серебрякова, Енукидзе, председателя ЦИК – тов. Калинина (26). В свою очередь, В.В. Бонч-Бруевич в сопроводительном письме демонстрировал свое знакомство с трудами В.В. Берви-Флеровского, рекомендуя его как автора, написавшего первую книгу о положении рабочего класса в России.

Возможно, именно спонтанные обращения за материальной помощью оказавшихся в нищете известных в России и за ее пределами общественных деятелей и их иждивенцев обусловили в условиях Гражданской войны и разрухи потребность в издании декрета о персональных пенсиях. Иначе говоря, персональное пенсионное обеспечение известных и выдающихся советских граждан возникло как реакция на их бедственное положение. Обнаруженные автором документы о назначении в этот период пенсий З.И. Венгеровой и Э.И. Берви-Флеровской являются прямым тому подтверждением.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией: Декрет СНК РСФСР от 16 июля 1920 г. // Собрание Узаконений (СУ) РСФСР. 1920. N 66. ст. 300
- (2) Об усиленных пенсиях: Декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1921г. // СУ РСФСР 1921. № 80. С. 697.
- (3) О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: Декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 15. С. 198.
- (4) Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21.05.1928 // СУ РСФСР. 1928. N 56. С. 420; Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // СУ РСФСР 1930. № 25. С. 325.
- (5) Положение о персональных пенсиях: Постановление Совета Министров СССР от 14 ноября 1956 № 1475 // Социальное обеспечение в СССР. М., 1960. С. 102–108.
- (6) *Братановская М.С.* Правовая организация управления социальным обеспечением в СССР в довоенный период (1918–1941гг.) // История государства и права. 2010. № 19. С. 7.
- (7) *Мэтьюз М.* Становлением системы привилегий в Советском Союзе // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 58.
- (8) *Захаров М.Я.* Основные принципы определения уровня трудовой (страховой) пенсии: реальность и перспективы // ИПС КонсультантПлюс.
- (9) Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-413. Оп. 2. Д. 558. Л. 6.
- (10) Там же.
- (11) ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 556. Л. 2.

- (12) Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу в Манчестер 10 февраля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32. М., 1964. С. 357.
- (13) Маркс К. Письмо членам Комитета Русской секции Интернационала в Женеве от 24 марта 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. М., 1960. С. 426–427 (иллюстрация)
- (14) ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 558. Л. 6.
- (15) Там же.
- (16) ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 556. Л. 2.
- (17) Там же. Д. 558. Л. 7.
- (18) Там же. Д. 556. Л. 2.
- (19) Там же. Д. 558. Л. 7.
- (20) Там же. Д. 558. Л. 7.
- (21) Там же. Д. 556. Л. 2.
- (22) Струмилин С.Г. Динамика цен за 1918–1922 гг. // Статистико-экономические очерки. М., 1958. С. 308.
- (23) Там же. С. 311.
- (24) Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 405.
- (25) Там же. С. 408.
- (26) ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 558. Л. 7.

REFERENCES

- (1) О pensijah licam, imejushhim osobyje zaslugi pered raboche-krest'janskoj revoljuciej: Dekret SNK RSFSR ot 16 ijulja 1920 g. *Sobranie Uzakonenij RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR], 1920, no. 66, p. 300.
- (2) Ob usilennyh pensijah: Dekret SNK RSFSR ot 5 dekabnja 1921g. *Sobranie Uzakonenij RSFSR*, 1921, no. 80, p. 697.
- (3) O personal'nyh pensijah licam, imejushhim iskljuchitel'nye zaslugi pered respublikoj: Dekret SNK RSFSR ot 16 fevralja 1923 g. *Sobranie Uzakonenij RSFSR*, 1923, no. 15, p. 198.
- (4) Polozhenie ob obespechenii personal'nymi pensijami lic, imejushhих iskljuchitel'nye zaslugi pered Respublikoj: Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 21.05.1928. *Sobranie Uzakonenij RSFSR*, 1928, no. 56, p. 420; Polozhenie ob obespechenii personal'nymi pensijami lic, imejushhих iskljuchitel'nye zaslugi pered Respublikoj: Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 20 maja 1930 g. *Sobranie Uzakonenij RSFSR*, 1930, no. 25, p. 325.
- (5) Polozhenie o personal'nykh pensiyakh: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 14 noyabrya 1956, № 1475. *Sotsial'noe obespechenie v SSSR* [Social welfare in the USSR]. Moscow: Profizdat, 1960, pp. 102–108.
- (6) Bratanovskaya M.S. Pravovaya organizatsiyau pravleniya sotsial'nym obespecheniem v SSSR v dovoennyj period (1918–1941gg.). *Istoriya gosudarstva I prava – History of State and Law*, 2010, no. 19, p. 7.
- (7) Met'yuz M. Stanovlenie sistemy privilegij v SovetskomSoyuze. *Voprosy istorii – Questions of History*, 1992, no. 2–3, p. 58.
- (8) Zakharov M.Ya. *Osnovnye printsipy opredeleniya urovnya trudovoy (strakhovoy) pensii: real'nost' I perspektivy*. Available at: <http://base.consultant.ru>.
- (9) GARF, f. A-413, op. 2, d. 558, l. 6.
- (10) Ibid.
- (11) Ibid., d. 556, l. 2.

- (12) Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1964, vol. 32, p. 357.
- (13) Ibid., 1960, vol. 16, pp. 426–427.
- (14) GARF, f. A-413, op. 2, d. 558, l. 6.
- (15) Ibid.
- (16) Ibid., d. 556, l. 2.
- (17) Ibid., d. 558, l. 7.
- (18) Ibid., d. 556, l. 2.
- (19) Ibid., d. 558, l. 7.
- (20) Ibid., d. 556, l. 2.
- (21) Gosudarstvennyy arkhiv Vladimirskoy oblasti (GA VO), f. R-1166, op. 2, p. 169, ll. 1–3.
- (22) Strumilin S.G. *Dinamika tsen za 1918–1922 gg. Statistiko-ekonomicheskie ocherki* [Statistical and economic essays]. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo, 1958, p. 308.
- (23) Ibid., p. 311.
- (24) Got'e Yu.V. *Moi zametki* [My notes]. Moscow: Terra, 1997, p. 405.
- (25) Ibid., p. 408.
- (26) GARF, f. A-413, op. 2, d. 558, l. 7.

ISSUE OF ESTABLISHMENT OF PERSONAL PENSIONS INSTITUTE IN THE USSR

O.V. Kapustina

Office of the Pension Fund of the RF
Krasnoarmeyskaya Str., 25, Gus-Khrustalny, Russia, 601501

One of the most important types of the Soviet pension was personal pension provision, which was intended for persons who contributed greatly to the construction of socialism and it was extremely prestigious. The article analyzes the pension case of Zinaida Vengerova, an employee of the People's Commissariat for Education of the Russian Federation and Ermioni Bervi-Flerov, the widow of Wilhelm Bervi-Flerov, the author of the widely acclaimed book “The Condition of the Working Class in Russia”. On the basis of the documents confirming their disability and harassment by the tsarist authorities, the author considers the first pension assignments deserved by Soviet citizens. The conclusion is that personal pensions of the most prominent public figures and their dependents in the conditions of the Civil war and the subsequent destruction arose as the reaction to their plight.

Key words: Soviet privileges system, pension, personal pension provision, petition for pension, pension case, size of pension, social activity, tariff rate.